

БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ!

Воинствующий оптимист становится мормоном

«Иногда мне кажется: свет жизни поразил меня в самый миг рождения. Да, именно первое жизненное впечатление сделало меня оптимистом и навсегда влюбило в этот мир».

Тогда, в 30-х, оптимистами были все. И сам Игорь Михайлушенко, и его родители — люди так жили. Радовались успехам страны, обсуждали светлые перспективы. Потом известно, что произошло: война. Отец Игоря ушел на фронт, мать работала почти без отдыха. Как и все — воевали и работали. От войны ведь не убежишь.

«Мы, мальчишки, не просто лазили по крышам и гоняли голубей. Нам пришлось вечерами дежурить на чердаках. Каждый надеялся, что фугаска попадет именно к нему, а он ее быстренько погасит. Любому хотелось быть героем, если не на фронте, то...».

По утрам Игорь отправлялся в Елисеевский за продуктами. Походы «на авось». Может, именно поэтому знаменитые сетки и стали называться «авоськами».

«Однажды поехал в магазин, аж на Знаменку — в Елисеевском хлеба не оказалось. Сел в трамвай, который тогда ходил по Манежной площади. Не успел проехать и двух остановок, как кто-то закричал: «Воздушная тревога!». Открылись двери, и люди начали выпрыгивать прямо в сугробы.

Я тоже выскочил, но очень неудачно: скользнул прямо на рельсы и оказался под трамваем. Мне отрезало ноги и отбросило далеко на мостовую.

Сначала рядом со мной никого не было. Люди куда-то шли, бежали. Видел только их ноги. Я испугался, что меня просто никто не заметит, и закричал из последних сил.

Около меня собралась толпа, но никто не приблизился вплотную. Шло время. Тогда ведь не было нынешней «скорой помощи», и медицинский фургончик ехал за мной очень долго. Женщины причитали: «Мальчик истекает кровью, вон сколько потерял, а они все не едут и не едут...».

А я совсем не чувствовал боли, было только ощущение, что меня постепенно затягивает в асфальт. И вдруг передо мной появился огромный светящийся шар, он надвигался все ближе и ближе, а потом повис в воздухе. Из него вырвался луч с квадратом на конце. Уже потом, через много лет я понял, что тот квадрат был очень похож на экран телевизора.

На «экране» я увидел что-то белое — маленькую фигурку, которая отделилась и поплыла ко мне. Это была женщина необыкновенной красоты. Ну... неземной. Заговорила со мной. Нет, мы не произнесли ни слова

вслух, но как-то понимали друг друга.

Она меня успокаивала: «Не переживай, все будет хорошо. Ты будешь жить, ты должен жить, ты нужен людям». Женщина рассказала мне очень многое. Всю свою жизнь я наблюдал, как сбываются ее пророчества. Но я не могу никому открыть то, что услышал от загадочной незнакомки тогда... истекая кровью на мостовой».

Так маленький мальчик остался без ног. В 10 лет...

После нескольких операций Игоря выписали из больницы домой. С фронта в отпуск приехал отец, мама взяла отгулы на работе. Но это длилось несколько дней, а потом...

«Мир для меня замкнулся — школа и дом. Костылей у меня еще не было. Отец приносил меня в школу, сажал на парту и уходил. Я больше всего боялся: вдруг мне захочется в туалет, как быть?»

Дома, лежа в постели, я мечтал о путешествиях и дальних странах. Мама купила карту Африки и повесила над моей кроватью. Ох, и изучил же я эту карту — досконально. Часами глядел на нее, и воображение разыгрывалось. Я уже сплавлялся по рекам, охотился на слонов и тигров.

В Африку поехать мне так никогда и не удалось. И все-таки я там побывал. Когда уже был студентом, мои очерки и статьи опубликовал один из журналов в Южно-Африканском союзе».

Учился в школе Игорь Михайлушенко хорошо. Одноклассники любили его за неугасимую энергию и потрясающую жизнелюбность. На костылях он бывал с ними везде: и в кино ходил, и за дворовую футбольную команду болел, участвовал во всех шалостях и проказах. Но и на самых прекрасных костылях в Африку или Америку не добраться, а Игорю так хотелось.

«Как-то мама принесла мне книгу академика В. А. Обручева «Земля Санникова». Прочитал взахлеб и решил написать письмо самому Владимиру Афанасьевичу. В эпистолярном жанре никакого опыта у меня не было, не считая коротеньких писем маме из пионерского лагеря. Мое первое серьезное письмо в жизни, наверное, получилось сумбурным, теперь я его даже толком не помню. Но Обручев мне, четырнадцатилетнему мальчишке, все равно ответил. Как я гордился ответом академика!

За 9 лет переписки с Владимиром Афанасьевичем получил от него более 60 писем. Конечно, я так и не стал геологом. Путешествовать мне всегда было трудно. Но жажда узнать как можно больше, стремление к неизведанному — это от моего пер-

вого учителя, академика Обручева».

Сегодня четырнадцатилетние редко пишут академикам. На днях соседский мальчик отправил письмо Дж. Бушу, посетовав, что ему вот-вот исполнится 15, а у него нет... фирменных джинсов, футболки, кроссовок.

— А что, денег у Буша все равно много, неужели ему жалко? — рассуждает предприимчивый подросток. Не знаю, случайно ли это, но мой сосед в свои неполные 15 и именно Обручева не слышал, и книг его не читал.

«После школы я поступил в институт иностранных языков. Добирался на Остоженку четырьмя троллейбусами. Бывало, стою зимой на остановке, жду 20—30 минут — троллейбуса все нет. Наконец придет. И случалось, остановится чуть дальше — толпа хлынет, люди войдут, а я остаюсь. И опять жду. Уже костыли разъезжаются, руки не слушаются, холод собачий. Так хотелось сесть в сугроб и никуда больше не двигаться».

Говорят, в жизни случайностей и совпадений гораздо больше, чем обдуманных и рассчитанных достижений. В судьбе Игоря Михайлушенко удач предостаточно. Хотя как знать, что случайно, а что закономерно. Игоря всегда притягивали к себе люди интересные и значимые. И он был им интересен.

«Несколько раз мне снились сны, повлиявшие на мое будущее. Как-то, лет в 18, скрутил меня тяжелый душевный кризис. От одной только мысли, что я молод, полон сил, но без ног, становилось невыносимо. Казалось, еще немного, и я умру от этого кошмара. Чтобы уйти от мучений, старался больше спать — так вроде легче.

Однажды, погрузившись в полузабыть, увидел Николая Островского. Он стоял у изголовья моей кровати. Я пожаловался: «Лучше бы умереть!».

Островский посмотрел сурово и жестко произнес:

— Нет, ты не умрешь, ты должен жить. И будешь жить.

Я проснулся. На душе как-то неожиданно легко. Появились силы... И жизнь пошла своим чередом.

А очень скоро я познакомился с Райсой Порфирьевной Островской, вдовой писателя. Пошел в музей-квартиру и там с ней нежданно-негаданно встретился. Мы стали друзьями. Она мне подарила «Как закалялась сталь» с обязывающей надписью: «Комсомольцу Игорю Михайлушенко на память о комсомольце Николае Островском. Желаю тебе быть таким же мужествен-

ным и волевым, каким был автор этой книги...».

Снился мне и такой сон. В конце войны мы с мамой гостили у друзей на даче. Легли спать, и тут я слышу стук. Открываю дверь, а на пороге стоит настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон. Я его сразу узнал, ведь фотографии «красного епископа» постоянно появлялись в наших газетах. Я ничуть не растерялся и спрашиваю:

— Что нужно сделать, чтобы с войной покончить?»

— Нужно завоевать победу. Вот смотри...

Передо мной раскинулось огромное поле битвы — сплошное месиво тел, крови, сожженной земли.

— Вот так это будет...

Чуть позже, в 1951 году, перед визитом епископа в Москву написал ему письмо. На специальной пергаментной бумаге — чтобы привлечь его внимание. А в ответ получил экземпляр книги «Советская мощь». Она тогда весь мир обошла. Началась между нами переписка. А может, это началось еще раньше, той летней ночью?

Через два года мне удалось встретиться с «красным епископом». Уже наяву. Он опять приезжал в Москву. Мы целый час проговорили в его гостиничном номере — о жизни, о людях, о путях к счастью и миру.

С Хьюлеттом Джонсоном я переписывался 15 лет, до самой его смерти».

В личном архиве Игорь Михайлушенко хранит письма М. Пришвина и П. Бажова, Э. Кеннеди и Б. Рассела, книги с дарственными надписями Н. Хикмета, М. Андерсена-Нексе, А. Фадеева, Н. Тихонова. Переписка с Тихоновым сыграла особую роль в жизни Игоря, тогда еще студента. Начинаящий поэт спрашивал у мастера: как писать, о чем писать? Н. Тихонов предупреждал «воинствующего оптимиста» (так он называл своего корреспондента): «Если хочешь писать — пишите, но помните: нелегко хлеб литератора. Только со стороны покажется, что это жизнь легкая и причудливая. Не верьте, молодой человек, но и не бойтесь трудностей...».

Легкой жизни Михайлушенко никогда и не искал, да и трудностей не боялся. После института работа в «Интуристе», много читал, писал стихи, очерки, рассказы. И всегда помнил слова бабки Бескостровой из «Малахитовой шкатулки»: «Работа — она штука долговая. Человек умрет, а дело его останется. Вот ты и смекай, как жить-то...». Именно эти слова заве-

щал Игорю Павел Бажов в одном из писем.

«Когда в 1988 году я посетил США с миссией мира, то и не подозревал, что домой вернусь убежденным и бесповоротным миссионером. Правда, миссия определилась необычная. Решил, что понесу в Советский Союз идеи Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (или Церкви Мормонов)».

В Америке я читал свои стихи о мире, делился со слушателями своим пониманием счастья, искал пути к истине... И вот выбрал веру, которая ближе всего моей душе. Я крестился в июле 1988 года в Вашингтоне. Чуть позже стал Старейшиной в Священстве Мелхиседековом Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней.

Потом оказалось, что я — первый мормон в СССР, о которых у нас почти ничего не знают. Если что-то и припоминают, то о многоженстве (разрешенном у мормонов в прошлом веке), и больше ничего. Сегодня в Москве создана первая община, в которой сейчас около 80 человек. С сентября 1990 года Церковь официально признана в РСФСР».

Хотя мормоны — явление чисто американское, теперь они появились во всем мире — их около 10 миллионов. Мормоны как святая святых чтят семейные узы. Выступают против эгоизма, сребролюбия, лжи. Они утверждают труд как вечный закон и зовут человека раскрыть свои таланты и способности. Церковь учит уважать закон и быть лояльными к государству и политиком. У мормонов есть Хранилище Истории Семей, где в специальной библиотеке находятся 1913 пленок с микрофильмами, что соответствует 5 миллионам книг по 300 страниц каждая.

Среди членов Церкви много видных политиков, спортсменов, писателей, художников, есть даже свой астронавт — Дон Лесли Линд.

«Недавно я написал, возможно, самое важное письмо в моей жизни — Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Церкви необходимо официальное признание в СССР, а это в компетенции Президента. Я надеюсь, что при всей невероятной занятости Горбачева он найдет время ответить мне. Отвечали же и Джордж Буш, и Майкл Дукакис, и сенаторы Эдвард Кеннеди и Джон Глен».

А пока Игорь Михайлушенко собирается в свою пятую поездку в Америку по приглашению астронавта Дон Лесли Линда. Расскажет о нашей стране, прочтает свои новые стихи. И найдет новых единомышленников в вере и в борьбе за мир.